

3. Маер Г. Августин [Текст] / Ганс Маер // Класики політичної думки від Платона до Макса Вебера : пер. з нім. – К. : Тандем, 2002. – 584 с. – С. 73–101.

4. Козеллек Р. Минуте майбутнє. Про семантику історичного часу [Текст] : пер. з нім. / Райнгард Козеллек. – К. : Дух і літера, 2005. – 380 с.

5. Бойченко І. В. Філософія історії [Текст] : підручн. / І. В. Бойченко. – К. : Т-во «Знання», КОО, 2000. – 723 с.

6. Августин Блаженний О граде Божієм [Текст] / Блаженний Августин. – Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2000. – 1296 с.

7. Ильин И. А. Путь духовного обновления [Текст] / Ильин И. А. // Сочинения в 2-х т. – Том 2. Религиозная философия. – М. : «Медиум», 1994. – 576 с.

8. Елштайн Дж. Б. Громадський чоловік, приватна жінка. Жінка у соціальній і політичній думці [Текст] / Джин Бетке Елштайн. – К. : Видавничий дім «Альтернативи», 2002. – 344 с.

9. Карась А. Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і неокласичних інтерпретаціях: Монографія [Текст] / Анатолій Карась. – К. ; Львів : Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 520 с.

10. Бл. Августин. О порядке [Текст] // Августин Блаженный. Энхиридион, или о вере, надежде и любви. / Августин Блаженный. – К. : «УЦИММ-ПРЕСС» – «ИСА», 1996. – 413 с. – С. 98–156.

Туренко О. С. Социальная доктрина св. Августина – ценности земного согласия и пути к идеальной общности.

Раскрывается социальная доктрина св. Августина, ее ключевые элементы и консолидирующие принципы. Трактовка мыслителем социальной реальности является завершенной теологической системой, которая направляет индивида и человеческие общности к активной реализации трансцендентной цели. Социум трактуется как динамическая целостность, что включена в историю. Хотя заданность социума и определена Богом, однако, одновременно с этим, он является пространством свободного проявления индивидуального и коллективного

решения. Каждый социальный элемент (семья, город, народ, государство) утверждают свои аксиологические нормы – цель жизни, и этим формируют путь к идеальной общности, или греховному единству. Консолидирующими принципами социальных элементов в августинианстве выступает любовь, трансцендентная цель, природный закон, коллективное согласие. Яркий пример идеальной консолидации всех социальных элементов св. Августина видит в языке народа.

Ключевые слова: социальная доктрина, св. Августин, семья, язык, город, народ, государство, согласие.

Turenko OI. Social Doctrine of St. Augustine – the value of earthly harmony and a perfect way to generality.

The social doctrine of St. Augustine, its key elements and consolidating principles is revealed. Thinker interpretation of social reality is a complete theological system, which directs the individual and the human community to the active implementation of transcendent purpose. Social life is treated as a dynamic integrity that is included in the story. Although the tasks of society and determined by God, but at the same time, it is a space of free expression of individual and collective decisions. Each element of the social (family, city, nation, state) claim their axiological norms – the purpose of life, and this way to form an ideal community, or sinful unity. Achieve the consent of all social elements recognized thinker difficult task, which involves synchronization of individual and collective, private and public harmony, and most importantly – axiological consistency immanent and transcendent. Consolidates the principles of social elements in Augustine's advocates love, transcendent objective natural law, collective agreement. A striking example of perfect consolidation of all social elements of communication. Augustine sees in the language of the people.

Key words: social doctrine of St. Augustine, family, language, city, nation, state consent.

Надійшла до редколегії: 02.07.14 р.

УДК 316.728+304.444

Е. В. Ходус

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара

ПРИВАТНОСТЬ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Артикулированы тезисы о природе приватности в пространстве современного социума. При этом ракурс анализа сосредоточен на анализе процесса приватизации как социального эффекта тенденции индивидуализации. Социальная приватизация понимается как процесс структуризации и заполнения личностью своего жизненного пространства определенными формами жизнедеятельности, исходя из своих частных предпочтений, интересов, представлений.

Ключевые слова: приватность, публичность, регуляция приватности, индивидуализация.

Актуальность темы исследования. Не будет преувеличением сказать, что в условиях современного общества направленность личности все больше тяготеет к индивидуализму, к ценностям приватного/частного существования, а культура оказывается глубоко пронизанной прагматизмом, скептицизмом, релятивизмом, которые разрушают фундамент социальной морали и усиливают индивидуалистические поведенческие установки. В сравнении с традиционным социальным порядком, индивид сегодня действительно имеет широкую автономию, что подразумевает рост индивидуальных возможностей в «создании» себя, в выборе «системы конечных знаний», в решении альтернативных действий. Более того он обладает внутренним миром, который сам может выбирать, формировать, моделировать, выстраивать, изменять, обучать, наказывать, и что особенно важно – он может им распоряжаться. Очевидно, что складывающееся общество «собственной жизни» – не просто яркая метафора У. Бека, это определение актуального социокультурного состояния современности. Как

замечает сам исследователь «ценностная система индивидуализации содержит в себе начало новых этик, базирующихся на принципе «обязанностей по отношению к самому себе» [3, с. 117]. Индивида в этом случае характеризует безразличие к формальным социальным институтам как «сфере социально-принудительных иллюзий», к тому, что принято называть публичностью, и укорененность во внутреннем/приватном – пространстве, структурированном, исходя из частных, личных интересов, предпочтений, вкусов. Самопознание, самоутверждение, «достижительность», самореализация – это те цели, вокруг которых объединяются все действия и которые формируют современный стиль жизни.

Цель исследования. Таким образом, приватность как особая сфера формирования личной автономии является одной из фундаментальных ценностей современной культуры. Приватность – многогранный феномен, который можно анализировать с самых разных теоретических и концептуальных позиций. Цель настоящей статьи состоит в попытке рассмотреть процессы приватизации (или приватизма в оригинальном определении У. Бека)

как социальный эффект индивидуализации современного социума. При этом «внутренний опыт» ни в коей мере не рассматривается как обособленный – напротив, он столь же неиндивидуален, избыточен (особенно, в условиях современной аудиовизуальной культуры), а главное – принципиально сообщаем. В данном случае мы исходим из того, что аналитически приватную сферу нельзя жестко противопоставлять публичной, так как границы между ними проницаемы и имеют либо договорной/переговорный характер. Парадокс приватности в том и состоит, что она не может быть абсолютно исключена из логики повсеместной «продуктивной власти» (в терминологии М. Фуко), действие которой в отношении приватной сферы может колебаться от прямого насилия (как в случае с советской приватностью, когда все личное ставилось на паузу) до мягкого соблазна, отличающего современную культуру.

Изложение основных результатов. Итак, чем же вызвана тематизация приватности в качестве значимой проблемы современности и объекта теоретической рефлексии?

Артикуляция феномена приватности напрямую связана со «свертыванием» социальных принципов, которое мы переживаем в настоящее время. Тезис о «конце социальности» как квинтэссенции кризиса проекта «простой современности» был выдвинут в начале 80-ых годов XX в. [5]. Речь идет о кризисе буквально всех форм социальности современного типа, расширение и структурирование которых происходило на протяжении XIX и в начале XX в. Иначе говоря, меняется природа самой публичной сферы. Если в условиях современной культуры продвижение «публичного» происходило все больше в сторону сокращения приватного пространства, то сегодня движение границы социального наоборот маркируется доминированием дискурса приватности. Мы согласимся с точкой зрения российского социолога В. Козырькова, определившего сущность такой постсоциальной динамики, следующим образом: частная реальность (приватность), вызвав социально-приватизационный процесс всей культуры, превратилась в свою противоположность, став формой общественного бытия и новым способом развития свободной индивидуальности [8, с. 140].

Заметим, что, не смотря на активную представленность проблематики «частного» в современном научном дискурсе (различные аспекты частной сферы описываются исторической наукой, анализируются в психологии, осмысливаются в философии), в социологии данная тема долгое время оставалась маргинальной. Приватность как культурно-значимый феномен является открытием социологической науки 2-ой половины XX в. (пик научного интереса к проблематике «частного» приходится на последнюю треть XX в.), что вполне объяснимо, учитывая традиционный интерес «академической» социологии к большим социальностям, каждая из которых имеет специфические механизмы управления, но в целом они связаны с действием политической системы. В эту систему объектов не вписывался мир «маленького человека», частная жизнь общества, поскольку она носила характер «малой социальности», которая определяется как «неполитическая среда жизни человека, неинституциональное воздействие, сфера приватных отношений, индивидуальных действий и культуры» [6]. В этой связи обращение к проблематике частной жизни выстраивалось главным образом через ее противопоставление сфере публичной как более

значимой, что вполне контекстуально топологии социального пространства современного общества, отмеченого высоким уровнем демаркации частного и публичного. При этом именно публичная сфера (*res publica* - общественное дело) выступала сферой социальности, диктующей человеку определенные нормы, функции, условия общественного существования; это совокупность общественных мест, где люди взаимодействуют по определенным правилам.

Р. Сеннет, рассматривая структуру социального пространства через отношение приватности и публичности, указывал, что «к тому времени, когда слово «публичное» обрело свое современное значение, оно означало не только сферу социальной жизни, расположенную вне пространства семьи и близких людей, но также то, что эта публичная сфера знакомых и посторонних включала относительно широкое разнообразие людей» [10, с. 24–25]. Иначе говоря, публичная сфера включала в себя жизнь, в которой различные социальные группы неизбежно вступали в социальный контакт. В публичном пространстве формируется язык коммуникации, принимающий в современном обществе характер коммуникативного давления, направленного на подавление мнения «собеседника», на изменение поведения «адресата» в соответствии с интересами «говорящего». Так, публичная сфера (формальный, активный мир, институциональное пространство), включающая мир политики, государства, юридические права и обязанности, рынок, признавалась сферой «реальной» власти, престижа, социальных возможностей и шансов личной состоятельности индивидов. Постепенно статус публичного становится адекватным статусу наблюдения за окружающим миром. Возникает феномен «публичного взгляда», который претендует на всеохватность и беспристрастность, способность судить обо всем объективно [7], а соответственно совершать легитимное насилие путем утверждения логики контроля и господства, в том числе и в отношении частной сферы.

В этом парадокс культуры модерна, выстроенной вокруг двух базовых принципов – рационализации и субъективации (индивидуализации). С одной стороны, модерн эмансипировал «субъекта, который есть свобода», наделив его разнообразными правами (в том числе и правом на приватность). С другой стороны, институциональная система оставляет за собой право жесткой регламентации человеческой деятельности, в том числе и личного пространства человека. Как замечал М. Вебер, политическое пространство модерна есть «перманентное изнашивание». Государство и властные институты формировали необходимые основания для создания свода правил и норм («культуру долга»), в соответствии с которыми «отмерялись» должные стратегии жизни. Оказалось, что и приватность во всем ее многообразии – это то, чем человек, безусловно, располагает и в этом смысле он - абсолютно автономен, однако, это подчиненная автономия, выполняющая закон. Частная жизнь становится объектом экспансии со стороны публичности. Этот парадокс, на наш взгляд, был ярко выражен в таких модернистских работах, как «Процесс» Ф. Кафки и «Крик» Э. Мунка.

Таким образом, предельная рационализация общества, состояние современной институциональной среды, по мнению З. Баумана, разрушает человеческие отношения, порождает свободное от обязательств и связей самоисключение личности из локальных

контекстов социального взаимодействия – индивиды обращаются к собственным ресурсам, чтобы выстроить свою биографию, идентичности, формы совместного существования; они предпочитают отстраниться от коммуникации в публичной сфере (возникновение феномена дауншифтинга вполне контекстуально описанным тенденциям). Наше время, заключает Бауман, «является эпохой слабых связей» [1, с. 31]. С ним солидарен и Ж. Липовецкий, отмечающий все больший уход государства из частной жизни граждан, предоставляя их самим себе, и, тем самым, в принципе отказываясь от функции распределения ответственности в пользу ставшей модной сегодня этики субсидарности. Принцип субсидарности, как замечает российский социолог А. Согомонов, фиксирует как раз этот изменившийся вектор распределения ответственности в обществах «высокой современности» – снизу вверх: все, что можно решить на низовом уровне, должно быть отдано этому уровню [11]. Ответственность государства, соответственно, предельно сокращается. Структурные воздействия (рынок, неравенство, безработица, дискриминация) становятся в большей степени «личными проблемами». Такой переход от «общности» к «обособленности» находит проявление, например, в возникновении сетевых структур (связь между ними не является субординационной); в этом случае социальная жизнь выстраивается на основе принципов низового уровня. Осуществляется переход от институциональной помощи к самопомощи, поскольку существовавшие в течении десятилетий различные институты – правительство, система социального обеспечения, корпорации – не оправдывают возлагаемых на них надежд. По этой причине возникают многочисленные инициативы и группы самопомощи в области медицины, борьбы с преступностью, защиты окружающей среды. Человек оказывается ответственным не только за свой биографический проект, но и за судьбу своей семьи, своей общины, своего города и т.д. Такую личность характеризует деполитизированность, отказ от институтов социального обеспечения, а также стигматизация личных неудач. Разумеется, указанные тенденции в большей степени присущи западному обществу в связи с развитием нелиберальной рыночной экономики. Облеченные в термины «свобод, автономии и выбора», нелиберальные методы управления используют «технологии личности» для производства новых субъектов, ответственных за собственное благополучие и социальное благосостояние [12, с. 143]. Вместе с тем наплыв книг, обучающих тренингов, программ, то-шоу, ориентированных на самопомощь, свидетельствуют о восприимчивости постсоветской субъектности к нелиберальной идеологии. Практическим выражением такой свободы от социальных уз как раз и является приватность как сфокусированность на внутреннем «Я».

Итак, что же составляет содержательное поле феномена приватности как значимой формы жизни? Заметим, что не смотря на повышение статуса приватной сферы в пространстве современного общества, само понятие приватного не получило должной теоретической разработки, нет устоявшейся дефиниции, отсутствует категоричное осмысление приватности. В буквальном смысле «приватное» означает уединение, уединенность, тайну [9]. Большинство исследователей называют приватность важнейшим фактором, необходимым для самосознания личности, развития межличностных отношений, осуществления контроля над собственной жизнью. В социологическом аспекте приватность

рассматривается как механизм, регулирующий взаимоотношения индивида и общества, призванный скорректировать давление общества на отдельного человека [9].

В целом, в зависимости от той или иной методологии, терминологии, аналитического инструментария приватное видится зоной, в которой ослабевает давление власти, социальных норм, зоной за пределами «интерсубъективной реальности». Английский социолог Джо Бейли выделяет три измерения «частного»: интимные отношения – включают в себя семейные отношения, любовь, дружбу (эти отношения основаны на эмоциональной открытости, взаимном доверии); бессознательное – как источник наиболее важных и интенсивных чувств человека, но, тем не менее, оно социально детерминировано; социальное «Я» – включает проблемы идентичности, отношения к телесному, собственному облику, соблюдение границ личного пространства участников общения [2, с. 20]. П. Бергер изображает частную жизнь как убежище, в котором мы можем укрыться от жестокой реальности внешнего мира, отмечая, в тоже время, и «структурные недостатки» этого убежища, которые делают частную жизнь открытой «холодным ветрам неприютности» [4, с. 187]. Очевидно, что «публичное» и «приватное» являются взаимообусловливающими измерениями, двумя ценностными центрами, которые структурируют повседневность, конкурируют либо уравнивают друг друга в зависимости от конкретного типа общества.

Выводы. В целом, феномен приватности как актуальной «формы жизни» находит множество проявлений. Во-первых, в этикетных формулах, в моделях межличностного общения, в поведении людей, соблюдающих или нарушающих приватность. В данном случае она предполагает стремление индивида сохранить свое личное пространство от несанкционированного вторжения. Образная сторона данного культурного концепта представляет собой базовый фрейм физического и символического пространства личности, например, предметы и события, ассоциируемые с приватностью. Ценностная сторона приватности – это принятые в обществе внешние и внутренние нормы поведения, регулирующие соблюдение границ личного пространства участников общения. Таким образом, приватность является важным регулятором межличностных и институциональных отношений, это фиксируется в моральных и юридических сферах общественного устройства, а также в многочисленных проявлениях ежедневного обыденного общения.

Таким образом, характер наблюдаемой культурной ситуации позволяет зафиксировать тенденции персонификации общественных отношений, интимизации ценностей культуры, доместикации социальных организаций, что свидетельствует о смешении территории идентичности, зоны самопрезентации в сторону приватного пространства. Рассмотрение пространства современного общества через дихотомию приватного/публичного имеет большой эвристический потенциал, поскольку эти категории способны стать удачным инструментарием социального анализа, при помощи которых можно увидеть грани современного общества.

Библиографические ссылки

1. Бауман З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. – М. : Логос, 2002. – 390 с.

2. Бейли Д. Некоторые значения «частного в социологическом мышлении» [Текст] / Д. Бейли // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. Литература : Сер.11 : Социология: РЖ/РАН. – М., 2001. – №3. – С. 17–21.

3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну [Текст] / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

4. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 432 с.

5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или Конец социального [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2000 – 96 с.

6. Бороноев А.О. Проблемы личности: поиск социологического образа [Текст] / А.О. Бороноев // Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. – Вып.3. – С.129–135.

7. Вирильо П. Машина зрения [Текст] / П. Вирильо. – СПб.: Наука, 2004. – 140 с.

8. Козырьков В.П. Регулятивные аспекты частной жизни: обоснование программы спецкурса [Текст] / В.П. Козырьков // Вестник ННГУ. – Вып.1(5). – 2004. – С.138–148.

9. Мещеркина Е.Ю. Частная жизнь как предмет социологического анализа [Электронный ресурс] / Е.Ю. Мещеркина. – Режим доступа : http://demoskope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_018.html – Загл. с экрана.

10. Сеннет Р. Падение публичного человека [Текст] / Р. Сеннет. – М.: Логос, 2002. – 424 с.

11. Согомонов А. Глокальность (очерк социологии пространственного воображения) [Текст] / А. Согомонов / Глобализация и постсоветское общество. – М.: Изд-во ООО «Стори», 2001. – 224 с.

12. Хани, Л. Группы самопомощи в постсоветской Москве: неолиберальные дискурсы «Я» (self) и социальная критика [Текст] / Л. Хани // Laboratorium. Журнал социальных исследований. – 2014. – № 6. – С.141–147.

Ходус О.В. Приватність як самостійна проблема та предмет наукового аналізу.

Артикульовано тези про природу приватності в просторі сучасного соціуму. При цьому ракурсі аналізу зосереджений на аналізі процесу приватизації як соціального ефекту тенденції індивідуалізації. Соціальна приватизація розглядається як процес структуризації і заповнення особистістю свого життєвого простору певними формами життєдіяльності, виходячи зі своїх приватних уподобань, інтересів, уявлень.

Ключові слова: приватність, публічність, регуляція приватності, індивідуалізація

Khodus H. Privacy as a separate issue and the subject of scientific analysis.

The thesis about the nature of privacy in the space of modern society is articulated. In this perspective the analysis is focused on the analysis of the privatization process as the social impact of the trends of individualization. Social privatization is understood as a process of structuring and filling personality of its living space defined forms of vital activity based on their private preferences, interests, representations.

Key words: privacy, publicity, regulation of privacy, individualization.

Надійшла до редколегії: 29.04.14 р.

УДК 215

А. К. Чаплыгин, Е. Е. Сук

Харьковский национальный автомобильно-дорожный университет

КОЛЫБЕЛЬ НОВОЙ ДУХОВНОСТИ ИЛИ «БЕРМУДСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК»?

Рассмотрены взаимоотношения между религией, философией и наукой в современных условиях. Раскрыты возможности диалога между философией и богословием в технологизированном обществе. Показано, что диалог этот возможен при условии сохранения взаимной толерантности и терпимости. Обозначены сферы общественной жизни, в которых возможен такой диалог. В качестве приоритетного представлен нравственно-воспитательный аспект сотрудничества представителей разных конфессий и философской общественности.

Ключевые слова: религия, философия, наука, диалог, общественное сознание, духовность.

В последние годы в научном и церковном сообществе все чаще звучит тема взаимодействия науки и религии. Стала актуальной проблематика различия и схождения научного и религиозного мировоззрений, характерных для них методов познания, а также наличия оснований для диалога между ними.

Исторически взаимоотношения между религией, философией и наукой складывались таким образом, что толерантный и конструктивный диалог часто замещался конфронтацией, конфликтностью, преследованием инакомыслия. Память услужливо подсовывает примеры, вбитые в сознание десятилетиями господства «научного» атеизма: трагическая судьба Сократа и Дж. Бруно, унижения Галилео Галилея, исчисляемые тысячами жертвы инквизиции, охота на ведьм и т. п. Но справедливости ради стоит включить в этот мартиролог и те многочисленные жертвы, которые шли на заклятие якобы ради торжества науки и «единственно истинной» философии в тоталитарном обществе. Но и ранее, едва европейская наука и просветительская философия окрепли, они совместными усилиями создали мировоззренческое пугало атеизма под прикрытием мифа о религии, как средстве обмана наивного Жака или Ивана, со стороны священнослужителей. Так что сегодня искать виновных – дело не только безнадежное, но и

непродуктивное, не способствующее разворачиванию диалога между различными мировоззренческими системами, между философией и богословием, в частности.

Однако возникает вопрос – а какова конечная цель такого диалога, ради чего его необходимо поддерживать? Каким видится итог этого диалога? Может ли он мыслиться как некий отказ примата науки над религией или как достижение корректной позиции в отношении друг друга?

Бесспорно, что религия является формой общественного сознания, а церковь – социальным институтом, которые на протяжении веков лелеяли и прививали людям духовность в ее социальном и индивидуальном смыслах.

В условиях, когда духовная жизнь человека и общества была слабо дифференцирована, религия была той силой, которая цементировала общество и выражала духовность, как таковую. Но ситуация изменилась с обретением относительной самостоятельности искусством, философией, наукой, моралью, которые призваны воплощать идеалы Красоты, Мудрости, Истины, Добра, становящиеся рядом с религиозными Верой, Надеждой, Любовью в стремлении поддержать духовные основы общества.